

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

ИЗ ФОЛЬКЛОРА ЭФИОПСКИХ КНИЖНИКОВ

(одно неопубликованное двустишие
Гондарского периода)

Значительную часть эфиопской традиционной книжной культуры составляет версификаторское искусство *Qene*. Обучение составлению подобных виршей занимает несколько лет и венчает собою весь курс традиционного монастырского образования. Далеко не все способны овладеть этим искусством, но настоящий книжник (*baleqene*) может без труда слагать вирши как на церковном языке геэз, так и на разговорном амхарском на любую заданную тему.

Эти вирши пользуются большой любовью и широкой популярностью среди эфиопских книжников, владеющих церковным языком; их знают, пересказывают и помнят даже те из них, которые были составлены столетия тому назад. Таким образом, эти произведения существуют, как правило, в устной форме и представляют собою своеобразный фольклор эфиопских книжников, который отличается от народного устного творчества как своим языком, так и средой бытования. Это обстоятельство в немалой степени затрудняло изучение виршей *Qene* европейскими исследователями как из-за отсутствия текстов, так и из-за известного недоверия и нелюбви к «франкам» в консервативной среде эфиопского духовенства. В этом отношении весьма показательны то, что первый эфиопский трактат, посвященный *Qene*, был написан анонимным эфиопским выучеником шведских миссионеров в Монкулло. Впрочем, в последнее время эфиопские ученые прилагают немало сил для собирания и публикации этих виршей, а также для их исследования.¹ Из последних работ европейских ученых, посвященных метрике геэзских стихов, следует выделить труд А. Шалля.²

Значительный интерес представляют также и семантико-синтаксические принципы составления подобных виршей. В рамках предлагаемой заметки, разумеется, невозможно дать даже их беглое описание. Нельзя сказать, чтобы эти принципы были хорошо изучены и описаны. Первый европейский исследователь эфиопского версификаторского искусства Казимир Мондон-Видайе писал в 1907 г.: «Собственно, его целью является создание двусмысленностей путем нарушения синтаксической системы языка, что делает истинный смысл предложения неразличимым под внешней поверхностью, которая также редко отличается большой ясностью».³ Об этом же, хотя и в менее резких выражениях, говорит и эфиопский литературовед Алемайеху Могес: «*Qene* содержит по крайней мере два значения, а иногда и больше. Поэтому их невозможно перевести на другой язык без

¹ Эта работа ведется главным образом в Институте эфиопских исследований при Аддис-Абебском университете, результаты ее появляются как в публикациях института, так и в материалах периодических Конгрессов эфиопских студий.

² Schall A. Zur äthiopischen Verskunst. Wiesbaden, 1961.

³ Mondon-Vidailhet C. Le rhétorique éthiopien. — Journal Asiatique, 1907, t. X, p. 305—329.

коренной ломки или изменения их качества, но в таком случае — это уже не Qene». ⁴

Обычно эфиопы называют этот принцип принципом «воска и золота». Золотых дел мастер лепит фигурку из воска, затем покрывает ее сырой глиной и обжигает. Воск плавится и сгорает, а в образовавшуюся форму мастер лет расплавленное золото, получая таким образом золотую отливку — копию восковой фигурки. В виршах Qene тоже есть два смысла, заключенных в одну внешнюю форму: один из них «восковой» (видимый и маловажный), другой же — «золотой» (сокрытый и более существенный). ⁵

То обстоятельство, что внешний смысл предложения, по выражению К. Мондона-Видае, «редко отличается большой ясностью», не смущает эфиопских книжников, ищущих смысл внутренних, который они называют еще и «wuste-weuga», т. е. «сердцевина (дикой) оливы». ⁶ Однако, чтобы достичь сердцевины и уразуметь скрытый смысл, нередко бывает необходимо не только знать Писание и догадываться о смысле частых библейских аллюзий, но и быть посвященным в жизненные обстоятельства самого стихотворца. Примером этому может служить публикуемое далее двустишие, исторический контекст которого таков. В отрочестве один из сыновей эфиопского царя Иясу I (Великого) (1682—1706 гг.) Бакаффа, сам впоследствии ставший царем и царствовавший с 1721 по 1730 г., обучался в монастыре традиционной книжной премудрости. В это время у него не было надежд на отцовский престол, за который шла борьба между более влиятельными и могущественными претендентами, и Бакаффа жил обычной жизнью монастырского послушника. Однажды Бакаффа отправился со своим приятелем, тоже послушником, по нужде в кусты. И, сидя под кустом, приятель спросил Бакаффу: «Слушай, Бакаффа, а вдруг ты станешь царем?». Это был не такой уж бесосновательный вопрос, так как тогда престол занимал Юст, принявший царское имя Цахай Сагад, не принадлежавший к «Соломоновой династии» и потому считавшийся узурпатором престола. «Все может быть», — ответил Бакаффа, который знал, что на отцовский престол претендует его старший брат, Давид, имевший много сторонников среди феодальной знати. «Ты уж тогда не забудь меня», — попросил послушник. — «Конечно», — ответил Бакаффа.

Прошло много лет. Давид сверг Юста с престола и захотел обезопасить себя от притязаний своего младшего брата, Бакаффы. Он заточил его в крепость Вахни. Однако вскоре после этого царь Давид поссорился с духовенством и казнил многих церковных иерархов. В результате Давида отравили, а на престол возвели Бакаффу. Однажды ко двору Бакаффы пришел странствующий монах и, выйдя вперед, прочел такие стихи:

ሰግፋ : ሲትሠላ : ከተቀየየ : ሳለግ :

አንድ : አበ : አብርሃም : አንተ : ውሳኔህ : አብርሃም : አን ::

Перевод

I. «воск» Бакаффа, не забудь, как развелись (болталимы) оба:
Ведь ты — отец Авраама, а я — Авраама жена.

Если вместо слов «отец Авраама» и «жена Авраама» поставить имена отца и жены библейского Авраама (т. е. Тара и Сара соответственно)

⁴ Alemayehu Moges. Geez and Amharic study without Qene is incomplete. — Proc. of the III International Conference of Ethiopian Studies, vol. II. Addis Ababa, 1966, p. 100.

⁵ О роли оппозиции «воска» и «золота» в эфиопской культуре см.: Levine D. Wax and gold: tradition and innovation in Ethiopian culture. Chicago, 1965.

⁶ Дикая олива почитается в Эфиопии чуть не священным деревом. Вырубая лес, эти деревья обычно не трогают. Их древесина отличается большой белизной и твердостью, отчего эфиопские цари употребляли ее для ограды собственных резиденций (см. «Хронику Зара Якоба» в кн.: Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Л.—М., 1936, с. 63 и 75). Однако простые смертные не решались использовать оливу для своих нужд.

и понимать их не как библейские имена, а как амхарские деепричастные конструкции, то получится:

II. «золото» Бакаффа, не забудь, о чем болтали мы оба
Ut cacatus eras et ego cacatus eram.

Окружающие, в том числе и придворное духовенство, искушенные в геэзских виршах, не могли уразуметь смысл сказанного. Однако Бакаффа понял его, узнал в монахе товарища своих детских лет и приблизил его ко двору.

Этот образчик *Qene* интересен не только своей типичной формой, но и неожиданно пикантным содержанием. Последнее совершенно не характерно для геэзских виршей, имеющих, как правило, сугубо духовное содержание и не рискующих профанировать имена и события священной истории светскими, а тем более «телесными» намеками. Именно поэтому приведенные вирши заслуживают нашего внимания. Обычно исследователи (как эфиопские, так и европейские) подчеркивают традиционность *Qene* и не пытаются рассмотреть ход развития этого жанра, видимо, заранее считая его застывшим, неспособным к развитию. Наше двустипшие, однако, скорее свидетельствует об обратном. Сохраняя традиционную форму и библейские аллюзии, оно по своему содержанию явно приближается к *фаблио* — жанру, вообще не получившему заметного развития в эфиопской литературе. Это, впрочем, понятно: такой сугубо городской жанр, как *фаблио*, не мог получить широкого распространения в стране, которая с падения Древнего Аксума в конце VII в. и до появления столичного города Гондара в 1632 г. не имела ни городов, ни городской культуры. В этом отношении весьма показательным является время составления нашего двустипшия. Судя по упоминанию имени царя Бакаффы, оно было составлено около середины XVIII в. в Гондаре, превратившемся к тому времени в крупный центр традиционного духовного образования. Видимо, городская жизнь в столице, имевшая к концу царствования Бакаффы почти столетнюю историю, оказала свое влияние и на литературное развитие, вызвав к жизни эфиопское подобие западноевропейских *фаблио*. Этому развитию, однако, была уготована недолгая жизнь. Последовавшие феодальные распри, падение могущества и авторитета царской власти в Эфиопии и соответственный упадок столичного Гондара к концу XVIII столетия надолго остановили развитие эфиопской городской культуры. Так, эпоха Возрождения с ее светской литературой сначала на классических, а затем и новых языках миновала Эфиопию. Жанр *фаблио* не только не породил новеллы, как это было в Европе, но и сам не успел оформиться в самостоятельное литературное явление на эфиопской почве. Дальнейшее развитие в этом направлении последовало лишь два века спустя и было обязано литературной деятельности уже эфиопских просветителей. Тем не менее тот недолгий «городской период» развития эфиопской средневековой литературы, который она переживала во второй половине XVIII в., достаточно интересен сам по себе и заслуживает внимания и изучения.

S. B. Chernetsov

ON THE FOLKLORE OF ETHIOPIAN LITERATI

This short note deals with a traditional genre of Ethiopian literati's poetry — the *Qene* verses. This cultural phenomenon is quite alive in nowadays Ethiopia: the art of *Qene* composition is a part of traditional theological education. The peculiarity of *Qene* rests in its amphibology, both semantic and syntagmatic. Here is given an example of *Qene* verses composed in the XVIII century. The hidden meaning can be understood only from the quite specific circumstances of its composition. This particular verse shows a tendency, never fully realized however, in the development of the genre, which in Europe led to emergence of *fablio* and then novel in meieval literature.